

15-21.10.04

Мандельштам Осип

Поэт эпохи Москвошвее

ЭКСПЕРТИЗА

Михаил ЗОЛотоносов

В серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Олега Лекманова «Мандельштам», и в этом нельзя не увидеть события двойного значения. Во-первых, книга о еврее Осипе Эмильевиче (Иосифе Хацкелевиче) вышла в той самой серии, которая с 1960-х годов прославилась боевым русским национализмом, в издательстве «Молодая гвардия», некогда знаменитом нескрываемым антисемитизмом, который поддерживался из ЦК ВЛКСМ. В нынешнем году это уже вторая такая книга в «ЖЗЛ» — первая была посвящена Михоэлсу. Одно из двух: либо носителей прежней идеологии в издательстве «Молодая гвардия» к началу XXI века не осталось физически, либо «масонский заговор» победил.

Во-вторых, у нас после 14 — 15 лет интенсивного изучения появилась первая «книжная» биография Мандельштама. Не сборник документов или научных статей, а именно биография. Студенты, школьники, любители литературы получили «базовый учебник» жизни и деятельности Мандельштама, с помощью которого можно приблизиться к пониманию этого уникального феномена русской поэзии XX века. Книга, к счастью, не беллетризована, не превращена в романизированную биографию; в тексте даны все ссылки на научные и мемуарные источники, ничто не падает неизвестно откуда. У Лекманова торжествует пафос деловитого «позитивистского» собирательства фактов. Впрочем, биография Мандельштама, прошедшего аресты, ссылки, в итоге сгнившего в ГУЛАГе и умершего страшной смертью, настолько выразительна сама по себе, что лаконизм сделал книгу еще более трагичной. Получилось просто, ясно, легко для понимания; правда, местами слишком просто, слишком ясно и слишком легко.

В первой массовой биографии Мандельштама бросаются в глаза некоторые явные несообразности. Например, в научном дискурсе определение исторического места Мандельштама в русской поэзии XX века давно оставалось за скобками: само собой подразумевалось, что он один из трех самых крупных поэтов, писавших по-русски в XX веке. Сам Лекманов об этом вообще не написал, а в издательской аннотации указано, что Мандельштам — «значительная фигура русской поэзии XX века». Получилось по-гоголевски: «значительное лицо». Но значительных в XX веке поэтов много: Брюсов, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Заболоцкий, а «самых крупных» — трое. Иначе и быть не может. Есть три, максимум четыре поэта, которые изменили само определение русской поэзии, синтезировав достижения золотого века и открытия

периода модернизма, и Мандельштам — один из них. Не исключая, что молодоговардейский «гений местности» не мог не отразиться на понижении Мандельштама «в звании».

Лекманов, к сожалению, вообще опустил Мандельштама в литературный быт, в бесконечную череду скандалов, которые составляли органическую часть жизни поэта и, между прочим, нынче сделали бы Осипа Эмильевича звездой номер один СМИ. Опустил в литбыт, но не объяснил, какой за скандалами стоял смысл. Связан же этот смысл с еврейским происхождением поэта. Но хотя поэтом Мандельштам был именно русским, еврейство его имело важное значение. Судя по многим признакам, он специально, с нажимом, играл роль чужеродного еврея, которого свет отчасти презирает, отчасти восхищается им. Мандельштаму посчастливилось застать время 1907 — 1917 годов, когда общество признавало исключительность евреев-интеллектуалов, а он был назначен на роль одного из столпов акмеизма. Привычка к этой роли объясняет и скандалы, и невписанность в каменеющий советский порядок и гвардейский писсоюз, и абсурдное в условиях сталинского социализма изгойство избранничества, окрашенное злобой пророка, побиваемого камнями. За кичливой декламацией «Четвертой прозы», за претенциозным пафосом поведения стоит неумение расстаться с дореволюционной ролью «исключительного еврея».

Все это вещи первостепенной важности, которые прошли мимо книги Лекманова. Понять логику поведения Мандельштама автор не смог. Он описывает скандалы, например, с М. Волошиным, с «третьим Толстым», но не в силах объяснить их культурное происхождение. Получилось фактически верно, но бессмысленно и методологически невинно.

Зато к числу несомненных и поистине «событийных» достижений книги относится чуть-чуть критическое отношение к мемуарам жены Мандельштама, Надежды Яковлевны. Надо знать, что еще недавно московская «околомандельштамовская» тусовка воспринимала эти мемуары поистине молитвенно — как единственный и истинный источник знаний о поэте, «священное писание» о Мандельштаме. Лекманов кое-где дал слово и другим мемуаристкам, сопоставил приговоры Н. Я. с другими версиями и мнениями. Кстати, начинает он с того, что останавливает внимание на научном подвиге Надежды Яковлевны, которая в своих мемуарах развенчала мифологизированную биографию Осипа Мандельштама, оставшуюся с тридцатых годов. Правильнее будет сказать, что Н. Я. создала собственный миф о себе и Осипе. В значительной мере Лекманов им по-прежнему оперирует, хотя уже с некоторыми отступлениями от канона, с чем его можно поздравить.

Памятник Осипу Мандельштаму. Владивосток, скульптор В. Ненаживин

Еще сенсационнее оказалось робкое, но все-таки признание самой главной погубительницы (по мнению все той же «околомандельштамовской» тусовки) репутации Мандельштама и

Другой аспект, акцентированный Герштейн, связан с «политикой». Именно с «экстремальностью» Надежды Яковлевны был связан и внешне вспыхнувший интерес Осипа к политике. Именно

Хотя поэтом Мандельштам был именно русским, еврейство его имело важное значение

его жены. Речь идет об Эмме Герштейн, «Мемуары» которой были изданы шесть лет назад и «в очень узких кругах» вызвали вселенский скандал. Эмма, которую не постеснялись тут же обвинить в старческом слабоумии, сообщила тогда подробности сексуальной жизни четы Мандельштамов, в частности, о «жизни втроем». Лекманов не ввел этот «кошмар» в свою книгу, взял что-то «второстепенное», в целом же воспоминания Герштейн квалифицировал как «инвективы». То есть как обвинения, чего у Герштейн не было и в помине.

она провоцировала мужа на безумные «сверхчеловеческие» поступки, инициировала баланс «бездны мрачной на краю», играя на его неутоляемом честолюбии и привычке к исключительности. Для самого Мандельштама Надеда одновременно и замена заботливой еврейской матери, и инструктор экстраординарного поведения, «игры в смерть», толкающий к эффектным самоубийственным актам вроде стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...», которое чета Мандельштамов с гордостью распространяла по Москве. Роль побиваемого камня-

ми пророка — это «уязвимая смертью болезнь». А Мандельштам в 1933-м было до боли необходимо доказать всем, что он единственный, исключительный, уникальный, а тут еще и Надя с ее «игрой в смерть», продиктованной древнеримскими образцами «последнего акта жизни» в эпоху тирана. Она считала, что Осипу лучше умереть, чем жить «под Сталиным», и активно толкала его к смерти.

Всего этого, естественно, у Лекманова, написавшего биографию «святого», нет, его задача как раз — вновь очистить икону от реалистических деталей, нанесенных мемуарными потоками после 1990 года. Впрочем, кто знает, что нужнее для массовой серии «ЖЗЛ» и тиража в 7000 экземпляров, который ныне эквивалентен советскому стотысячному, — икона или натурализм? И нужна ли кому-то в условиях деградации литературоцентризма вообще правда о Мандельштаме?

Оттого, наверное, произошла и фильтрация деталей из воспоминаний лагерника Ю. Моисеенко, сидевшего в том же советском концлагере,

ДОСЛОВНО

Лейтмотив всей жизни Мандельштама и соответственно книги — ТЕМА СМЕРТИ

«Едва ли не самым важным событием зимы 1934 года стала для Осипа Эмильевича неожиданная смерть Андрея Белого... Реквием по Андрею Белому закономерно может восприниматься и как реквием по самому Мандельштаму. «...Тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме, — вспоминала Анна Ахматова. — Мы шли по Пречистенке... о чем говорили, не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: «Я к смерти готов». Тогда же Мандельштам спрятал в карман своего ботинка лезвие безопасной бритвы — спустя несколько месяцев оно будет пущено в ход.

17 февраля 1934 года Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич высказал пожелание приобрести мандельштамовский архив для Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики. 16 марта собралась Комиссия экспертов, которая предложила за архив поэта смехотворно малую цену — 500 рублей. Вдогонку неприятному разговору с Бонч-Бруевичем, состоявшемуся 21 марта, полетело гневное мандельштамовское письмо: «Назначать за мои рукописи любую цену — Ваше право. Мое дело — согласиться или отказаться. Между тем Вы почему-то сочли нужным сообщить мне развернутую мотивировку Вашего неуважения к моим трудам. Таким образом покупку писательского архива Вы превратили в карикатуру на посмертную оценку. Без всякого повода с моей стороны Вы заговорили со мной так, как если бы я принес на утильпункт никому не нужное барахло, скупаемое с неизвестной целью»...

В ночь с 13 на 14 мая 1934 года... Осип Эмильевич Мандельштам был арестован».

что и Мандельштам. На глазах у Моисеенко Осип Мандельштам отошел в мир иной. Но чтобы не было очень страшно и мерзко, сцена самой смерти убрана: «Все дрожали, а у Осипа Эмильевича костяшки ну, прямо, стучали... Он просто скелет был, шкурка морщинная. <...> Он сделал шаг три-четыре, отвернулся от жаркамеры, поднял высоко так, гордо голову, сделал длинный вдох... Левую руку он успел положить на сердце и правую подтянуть, и — рухнул. Как-то неловко, лицом вниз, немного на правый бок. Пол был деревянный, некрашеный, грязный. <...> Один из дезинфекторов, высокий, лысый, в сером форменном халате, положил руку под голову Осипу Эмильевичу, потрогал челюсть, и рот закрылся».

Я надеюсь, что книга Лекманова — важный первый опыт, важный еще и тем, что он спротоцирует кого-то на отказ от жития и создание бесстрашной реалистической биографии Мандельштама. А контекст российской жизни всегда сделает эту биографию актуальной.